

яна **Р**озова
Невский детектив

**ТЕМНАЯ
ПОЛОСА**

Наш офис-менеджер
лежала на полу.
Она была черной
и красной.
Черной от гари,
а красной — от крови.

Яна Розова

Темная полоса

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=591535
Яна Розова. Темная полоса: Центрполиграф; Москва; 2011
ISBN 978-5-227-02452-7

Аннотация

Наташина жизнь вступила в светлую полосу: выросла дочь, сама еще молода и красива, к тому же у нее собственное успешное дело, где близкие друзья – сотрудники популярного в родном городе Центра красоты и здоровья. Однако после визита к ним следователя прокуратуры началось невообразимое. Взрыв в Центре, шантаж, смерть подруг – Сони и Боряны – и исчезновение парикмахера-стилиста Дольче...

Казалось, горю не будет конца. Но Наташа уловила некий общий алгоритм захлестнувших их несчастий, и перед ней стала понемногу проясняться картина страшного злодеяния.

Содержание

Пролог	5
Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	22
Глава 6	27
Глава 7	30
Глава 8	33
Глава 9	36
Глава 10	38
Глава 11	41
Глава 12	46
Глава 13	48
Глава 14	53
Глава 15	55
Часть вторая	59
Глава 1	59
Глава 2	62
Глава 3	66
Глава 4	70
Глава 5	74

Яна Розова

Темная полоса

Пролог

Так и хочется начать свой рассказ со слов: я поведаю вам о цепи странных и необъяснимых событий, приключившихся со мной и моими друзьями ранней осенью такого-то года в нашем родном южном городе.

Увы, но мне придется признать, что не все происшествия темного периода нашей жизни связались в логическую цепь, а странность их более или менее объяснилась со временем. Осталось только одно явление, которое осознать мне так и не удалось: почему же все-таки беда не приходит одна?

Часть первая

Глава 1

– Центр красоты и здоровья, здравствуйте!

Голос Маришки – сладкая музыка. Наш офис-менеджер умеет говорить с людьми и любит делать это. Сладкая музыка звучит и в каждом уголке нашего Центра. Мелодия восхитительно сочетается с толстым ковром на полу, белыми кожаными диванами, зеркалами от пола и до потолка, хрусталем светильников, ароматами дивных трав.

Мы открыли свой Центр восемь лет назад, скорее не ради денег, то есть не только ради денег. Каждый из нас – и Соня, и Боряна, и Дольче, и я – переживали черную полосу. У каждого из нас неприятности были свои собственные, но из-за того, что мы были очень близки между собой, наши черные полосы вроде как объединились. Мистика заключалась в том, что с нами это происходило уже во второй раз.

Хуже всех тогда, в 2000-м, пришлось Соне. Ее муж погиб в автомобильной катастрофе, оставив ее с девятилетним сыном. Своими силами справиться с горем Соня не смогла, в результате чего подседа на какие-то препараты, находящиеся в специальных списках. Рецепты на эти препараты она, врач-невролог в поликлинике, выписывала себе сама. И – попа-

лась. В итоге она оказалась без работы, но с наркотической зависимостью.

У Боряны, учительницы физкультуры в средней школе, обстоятельства сложились так, что она угодила в серьезную передрагу. На ее уроке мальчишки из десятого класса забили до полусмерти одноклассницу. Такого бы ни за что не случилось, если бы Боряна не оставила класс, выскочив во время урока к своему ухажеру. И она успела бы прекратить избиение, если бы находилась хотя бы в коридоре, за дверьми спортивного зала. Но во время инцидента Борянка занималась любовью со своим бойфрендом в его машине, остановившейся в тенистом скверике за школой. К счастью, девочка выжила, поэтому Боряна получила всего два года условно.

Я тоже заработала свои неприятности собственными руками. Однажды осенним вечером я сбила на своей машине женщину. Все водители говорят одно и то же в таких случаях: не знаю, откуда она вывернулась. Я бы тоже так сказала, только кто мне поверит?

Я гнала свою тойотку на приличной скорости, потому что спешила на свидание. И по странной случайности пострадавшая женщина оказалась женой моего любовника. Господи, как грубо это звучит! Мы же действительно любили друг друга, нас связывал не только секс, а многое и многое, что и должно связывать людей, которые созданы друг для друга.

Итог той аварии был печален: жена Жени, Инна, получила трещину в позвонке, долго лечилась. А мы с Женей расста-

лись. Только одно обстоятельство сложилось благоприятно: Жене удалось не дать делу ход, поэтому суда не было. Ну а я, конечно, оплачивала лечение Инны. С тех пор я не вожу машину.

Как и обычно, самые экзотические неприятности выпали на долю Дольче. Надо заметить для справки, что Дольче – самый красивый мужчина, которого я видела живьем. И ничего странного, что он стал объектом страсти сумасшедшей женщины, клиентки салона красоты, где он работал в те времена. Возможно, если бы наш друг не был абсолютно равнодушен к женскому полу, дамочка затащила бы его в постель, получила что хотела – и успокоилась. Но... Дольче был голубым, да еще и в тот период переживал начало своего первого настоящего романа. Правда, отчаянная страсть двоих прекрасных мужчин кипела в виртуальном пространстве, а возлюбленный Дольче, родившийся в России этнический немец, сейчас проживал в Дюссельдорфе. Забегая вперед, добавлю – у Дольче с Яковом до сих пор любовь. Они ездят друг к другу несколько раз в год, ежедневно переписываются и мечтают воссоединиться. Только не могут решить – в России или в Германии. Почему-то Дольче не рвется жить в Неметчине.

Вся эта бодяга с сумасшедшей на фоне Сонькиных бед, Борянкиных проблем и моих собственных неприятностей выглядела как-то несерьезно. Но когда психопатка перестала звонить Дольче по ночам, а попыталась плеснуть ему в ли-

цо кислотой, мы поняли, что дело швах. Избавлялись мы от чокнутой всеми средствами: Дольче даже сменил квартиру. Кстати, жилье он купил в том самом доме, в котором мы все жили в детстве. Дольче и сейчас там живет, поэтому мы всегда собираемся только у него.

Говорят, темнее всего бывает перед рассветом. Восемь лет назад у нас так и было. Мы пребывали в отчаянии, стараясь найти лекарство от бед и неприятностей.

Именно в то время я получила наследство от деда: большую, хорошую квартиру в еще новом доме. И тут Соню осенило, что надо все изменить в жизни, тогда и жизнь изменится, а были бы деньги – можно было бы открыть такой клуб, как в столицах, где есть и парикмахерская, и фитнес, и косметолог, и все такое.

Парикмахер, то есть, простите, стилист, у нас был – Дольче, тренер по фитнесу – отставная физкультурница Борянка, сама Соня решила заняться диетологией. А мне поручалось общее руководство. То есть, продав дедову квартиру и вложив все свои деньги в новое предприятие, я стала завхозом и девочкой на побегушках у звездной тройцы. А что делать?

Наш Центр, как Соня и планировала, начал процветать с первых дней открытия. Тут я тоже смогла помочь. Все-таки я закончила филологический – факультет невест, и наши невесты пользовались большим спросом у женихов города. Большинство моих подруг удачно вышли замуж, превратились в обеспеченных дам и с удовольствием стали приходить

к нам в Центр. Они рекомендовали нашего стилиста, нашего фитнес-тренера, нашего диетолога подругам, свекровьям, знакомым. Так и пополнялся контингент клиентов, а также наши банковские счета.

Но я зря тяну на себя одеяло. Лицом нашего Центра был, есть и будет только Дольче. Клиентки и даже клиенты идут в Центр персонально к нему. Женщины обожают его, их не смущает его сексуальная ориентация. Думаю, именно потому, что мой друг искренне любит и понимает женщин. Он сопереживает любовным драмам наших дам, каждую клиентку он готов поддержать словом и советом. И он очень умен, хоть и не демонстрирует этого.

С каждой новой женщиной, обратившейся к нему за помощью, Дольче долго разговаривал, а только потом усаживал в парикмахерское кресло. А закончив работу, еще и рассказывал, как самостоятельно укладывать волосы, какой макияж рисовать на лице, какую одежду выбирать и даже как лучше держаться в обществе. И если дама слушалась Дольче, она просто расцветала.

По дороге Дольче советовал некоторым похудеть, другим – нарастить немного мышц. А для этого, моя дорогая, вам стоит зайти к нашему диетологу и к нашему фитнес-тренеру.

И тут уж показывали класс Соня с Борянкой.

Глава 2

Год назад, правда, мы обрели в городе недоброго конкурента. Причем воспитали и научили его всему, что знали сами. Если не растекаться мыслью по древу, то дело обстояло таким образом. У Борянки была приятельница, тоже бывшая гимнастка, тоже выпускница спортфака, Надежда Калачова. Через три года после открытия нашего Центра Боряна решила позвать Наденьку в нашу команду. В основном по двум причинам. Клиентов, полюбивших фитнес, у Борянки стало так много, что к вечеру она валилась с ног. В то же время Наде нужна была работа. Ее бросил муж, оставив супруге двоих детей, да и престарелая мама нуждалась в заботе и лечении. Боряна не просто взяла Надежду в помощницы – она отдала ей самых лучших клиентов, отправляла на обучение в столицы и даже за границу, занимала деньги, сидела с Надиными отпрысками, сочувствовала, помогала, утешала и радовалась успехам подруги.

Несколько лет Надюша была нам близким человеком, ведь друг твоего друга – мой друг.

Мы с Соней и Дольче дивились: что это Борянка такая добрая? Обычно она не старалась изображать мать Терезу. Но вот так уж сложилось – наша подруга вдруг ощутила радость быть кому-то нужной, опекать, заботиться и отдавать. Еще Борянка говорила нам, что это дружба спортсменов, она

проверена в таких испытаниях, что о-го-го!

Возможно, спортивная дружба и о-го-го, да только не так оказалось в нашем случае. Надюшенька оказалась неблагодарной свиньей. Со временем один из ее клиентов стал ей близким личным другом и тоже бросился помогать одинокой матери двоих детей. А так как Сергей Аванесян был человеком обеспеченным, то его помощь выразилась в хорошем финансовом допинге, благодаря которому эта стерва Надька открыла свой собственный спортивный центр «Амадей» с косметологами, парикмахерами и саунами. Более того, эта хрупкая светловолосая девушка не стеснялась отбивать у нас клиентов, обливая грязью всех нас.

Но никакие Надьки не могли испортить нам обедни: мы действительно оставили черную полосу позади. Центр стал для нас той самой новой жизнью, в которой не было темных полос. И каждый раз, поднимаясь на третий этаж бизнес-центра, в котором мы выкупили под наше гламурное предприятие целый этаж (200 кв. м), я жмурилась от счастья.

Глава 3

Пока я доставала ключи от кабинета, наш офис-менеджер продолжала беседу по телефону.

– Да. – Она метнула быстрый взгляд хитрых карих глаз в мою сторону: – Вы поговорите? Соединяю.

В два прыжка я влетела в дверь своего кабинета и схватила трубку телефона.

– Алло! – выдохнула я, упав на диван. Этот керамогранит такой скользкий!

– Наташа, это ты? – Приятный мужской голос был не просто знаком, он был мне почти родным.

– Я.

– Наташа, это Саша.

– Да, Саш, привет. Как дела?

– Плохо, Наташ, у меня такое горе... Моя мама умерла.

– Соболезную, Сашенька.

Мой муж с рождения страдал тяжелой мамозависимостью, по этому я понимала, что он теперь чувствует. Отчасти я даже готова была его пожалеть. Двумя-тремя добрыми словами.

– Наташенька, что мне теперь делать?

– Сашенька, ты взрослый мужчина. Тебе... мм... сорок два года.

– Наташа, я не смогу пережить это...

– Сашенька, это сначала так. Время лечит, крепись, держись. В какой-то момент ты по чувствуешь, что стало легче, потом – еще немного.

– Я никогда не почувствую такого. Ты приедешь? Похороны сегодня, в двенадцать ноль-ноль.

– Но, Саш, мы с твоей мамой, ну... Общего языка так и не нашли.

– Это не важно. Наташенька, родная!

Он что, опупел? Какая я ему родная?

– Ты близко знала мою маму, ты уважала ее. Она моей Алинушке все время повторяла, что ты никогда не хамила свекрови, потому что уважала.

Надо было бы напомнить ему, что его безумную мамашу я просто боялась. Уважать там было нечего. От обращения к его памяти удержалась только потому, что Сашка и впрямь страдал. Но на похороны я не пойду!

– Наташа, я никогда тебя ни о чем не просил!

Это была чистая правда – он даже не попросил меня остаться, когда его мать довела меня до того, что я подхватила годовалую дочь одной рукой, сумку со своим барахлом – другой, а потом, не дождавшись от него ни слова, ушла навсегда.

– Ладно... ладно, я приду. Но Варьку не приведу.

– Да, конечно. – Одна нотка в его голосе прозвучала даже радостно.

Я чуть не обиделась, что он так просто согласился на Варь-

кино отсутствие, но передумала. О дочери он и в лучшие моменты не вспоминал, чего сейчас ожидать?

Мне очень хотелось глотнуть водички, но телефон в моей руке снова запел. Маринка испуганным шепотом сказала, что звонят из прокуратуры. Я не успела удивиться, а другой мужской голос уже произнес:

– Меня зовут Василий Иванович Дмитриев. Я – следователь по особо важным делам городской прокуратуры.

– Да, понятно. Чем могу помочь?

– Вам знакома Закревская Валентина Алексеевна?

– Да, конечно. Она постоянная клиентка нашего салона.

Что случилось?

– Позавчера вечером она умерла. Я расследую обстоятельства ее смерти. Мы можем встретиться?

– Да. – Наверное, я говорила как попугай: «Да, да, да». – Приезжайте.

– Я буду у вас через двадцать минут.

Глава 4

Я набрала внутренний номер Сони и попросила ее зайти в мой кабинет, если у нее нет клиентки. Клиентки не было.

– Сонь, – сказала я как можно спокойнее: Соня у нас очень эмоциональная. – Ты слышала, что случилось с Закревской?

– Нет. – Соня улыбнулась мне своей самой рассеянной улыбкой из небывалого арсенала ее фирменных рассеянных улыбок. Эти улыбки сводили с ума мужчин и дезориентировали женщин практически мгновенно. – А что с ней?

– Сонечка, она умерла.

Лицо моей подруги вытянулось.

– Когда?

– Позавчера вечером.

– Почему?

Я рассказала Соне о звонке следователя. И на всякий случай намекнула:

– Скажи мне, у нас с тобой есть повод волноваться?

– Нет.

Она смотрела мне прямо в глаза, демонстрируя честность, открытость, лояльность и желание сотрудничать. Я удовлетворенно кивнула.

Василий Иванович оказался представительным, я бы сказала, холемым человеком лет сорока пяти, внешне мало отличающимся от клиентов нашего салона. Вот так теперь вы-

глядят представители органов, удивилась я.

Его волосы были цвета перца с солью. Свой тяжелый подборонок он держал высоко задранным, а в карих глазах тле-ла томность бывалого ходока. Пронзительность его взгляда мне показалась какой-то наигранной, и вообще манерой держаться он напомнил Кашпировского. Это было бы смешно, если бы разговор наш не оказался таким неприятным. И тревожным.

– Здравствуйте, девушки, – сказал следователь чуть ли не игриво, входя в мой кабинет.

Мы с Сонькой ощутили себя проститутками в борделе.

И после этого он сообщил нам, не скрывая, что считает нас по крайней мере чикатилами в юбках, о результатах медицинской экспертизы тела Валентины Алексеевны Закревской. Причиной смерти, сказал он, стал аллергический отек легких, который вызвало вещество, входящее в состав популярных таблеток для похудения.

– Знакомая Закревской сказала нам, что эти таблетки порекомендовали ее подруге в вашем Центре.

Я покосилась на Соню. Соня молчала. Почему она не кричит во весь голос, что мы принципиально не продаем и не рекомендуем БАДов своим клиентам?

– Мы не продаем своим клиентам никаких препаратов, – как-то вяло сказала Соня.

– Отлично! – почему-то обрадовался Василий Иванович. – Тогда я впускаю в ваш салон своих коллег для обыска.

Вот ордер. – Он протянул мне какую-то бумажку.

Господи, обыск! Да у меня же шестеро клиентов в Центре. Одна дамочка лежит голая в жемчужной ванне, другая, обернутая, как мумия, распластана в спа. Дольче наращивает волосы дочери председателя думы, Боряна дает уроки карате управляющему банка, ну и остальные двое посетителей тоже при деле...

Пока я все глубже погружалась в шоковое состояние, Соня заплакала.

Заметив это, Василий Иванович заметно просиял.

– Будем сознаваться? – давил он на нас, переводя свой едкий взгляд с Сони на меня и обратно.

– Знаете, – сказала я, чтобы как-то протянуть время. – Знаете, а я бы хотела почитать заключение ваших экспертов. Что это за вещество такое, вызывающее аллергию? Даже если мы и порекомендовали Закревской похудательные таблетки, – я посмотрела на Соню, и та закивала головой, подтверждая свою вину, – мы предложили бы ей качественную продукцию, гипоаллергенную. От наших таблеток не умирают.

– Я сама их принимаю, – прошептала Соня, хлюпая носом.

– Заключение мы подозреваемым не даем, – высокомерно объявил Василий Иванович. – Но вот арестовать вас я могу. Будете сидеть, пока не одумаетесь.

Я чуть заметно улыбнулась Соне. Он пугает нас. Возможно, просто потому, что любит пугать «девушек». У всех у нас есть свои слабости. Вот я, к примеру, ябеда.

– Ну, это вряд ли. Я плохо законы знаю, и то понимаю, что у вас нет оснований для задержания или ареста. И еще сейчас я проконсультируюсь кое у кого. А вы посидите в коридоре.

Василий Иванович скорчил презрительную гримасу:

– Вы тут себя кем считаете, девочки? Вы тут сидите, деньги у людей выдуливаете, да еще их же и травите! Я хорошо знаю, чем вы тут занимаетесь. Не первый день таких, как вы, на божий свет вывожу. Вас всех давно пора разогнать, все эти ваши проститутские...

– Василий Иванович, с вами Геннадий Егорович поговорить хочет.

За время, затраченное нашим милым следователем на проповедь, я успела набрать номер прокурора области, сбросившего в нашем Центре тридцать пять килограммов, и в двух словах пожаловаться на поведение некоторых его коллег. Обычно я стеснялась пользоваться телефонным правом, только вот Дмитриев был очень противный, да и пахла его деятельность подозрительно.

После краткого разговора с Геннадием Егоровичем следователь смерил нас убийственным взглядом и медленно, с гордо поднятой головой покинул мой кабинет.

Я повернулась к Соне:

– Дорогая, умойся, приведи себя в порядок и поезжай домой. Мы потом поговорим, хорошо?

Соня смотрела в пол.

– Сонь, ну все мы люди... Тебе понадобились деньги. Я же понимаю. Если все обойдется и нас по тюрьмам не рассадят, то я предлагаю ничего не говорить Борянке и Дольче.

– Ты не понимаешь, – хрипло произнесла Соня. – Мне не просто нужны деньги, а очень нужны.

Страшная мысль пронзила мой мозг.

– Соня, ты снова стала принимать наркотики?

Она подняла глаза, и я буквально впилась взглядом в ее лицо, ища признаки деградации. Но я видела перед собой свою Соню, такую, какая она и есть – прекрасную принцессу из моей детской сказки.

– Наташа, все гораздо хуже. Мой Лешка колется.

Я, пошатываясь, вылезла из-за стола, подошла к дивану и села рядом с подругой.

Оказывается, этим летом, в августе, когда температура поднималась чуть не до сорока градусов по Цельсию, она заметила, что Лешка носит майки с длинным рукавом. Соня тут же потребовала, чтобы сын показал ей вены. Они были испещрены следами уколов. Леша, а ему ведь только восемнадцать, признался, что это героин.

Соня хотела звонить мне, но постеснялась. Она ведь недавно и сама... Тогда она обратилась в наркологическую клинику.

– Это такой ужас, – снова заплакала Соня. – Он начинает лечиться, а потом сбегает, прячется у друзей, врет мне, ворует деньги. Потом приходит ко мне, плачет, просит снова

устроить его лечиться. И сбегает из клиники. Мой мальчик, мой малыш... Наташа, я не выдержу его смерти!

– Он еще не умер. – Я обняла Соню, представив Варьку – а вдруг бы и она?.. – и тоже стала плакать.

Глава 5

Обнимая Соню, я думала о Борянке и Дольче. Без них мне даже сломанный ноготь казался вселенской катастрофой. Ведь наша дружба родилась так давно, что я не помню, как впервые увидела Борянку, Соню или Димку. Получается, они всегда были со мной.

Мы родились в один год и жили в одном доме. И это был необыкновенный дом. Он стоял на улице с бульваром, Гродинским Арбатом, особым местом, где талантливые и бес-талантные художники выставляли свои творения. Большинство из них были выпускниками Гродинского художественного училища, которое располагалось в соседнем от нашего дома старинном здании.

Многие строения на бульваре были возведены в конце прошлого века, наверное, поэтому и несколько домов, построенных в 1948 году пленными немцами, имели вид достойный и классический. Но наш дом был самым красивым. Он был выкрашен в нежно-голубой цвет, обсажен каштанами, дубами, акациями и тополями. Я так любила этот дом, что, когда мы с мамой переехали на новую квартиру, я перестала чувствовать себя ребенком. Мне тогда исполнилось двенадцать.

Главным украшением нашего дома и главным удовольствием нашей компании был не бульвар, хотя там мы тоже

провели немало времени, разглядывая картины местных художников и всякие поделки из глины, дерева и прочих материалов – творения студентов училища. Все свое детство мы резвились в необыкновенном, зеленом, цветущем, большом – с песочницей, с грушевыми деревьями и даже с колодцем – дворе. Мы, как веселые макаки, лазили по гнутым, отполированным нашими телами стволам дикой айвы. Мы делали луки из веток ореха, признанных самыми гибкими из всего, что у нас росло. Мы объедались черным пасленом и зеленой клубникой, которую пыталась вырастить на своем маленьком огороде соседка тетя Маша. В дождливые дни мы читали книги, сидя на подоконнике огромного окна на лестничной площадке. Августовскими вечерами мы лежали на траве и смотрели на наш дом, на пирамидальные тополя, мечтая о будущем. И наши мечты мало походили на нынешнюю жизнь, даже в свои лучшие моменты.

И еще непонятно, почему, земную жизнь пройдя до половины, ты вдруг осознаешь, что самым счастливым временем в твоей жизни были летние каникулы в 1980 году?

После детства мы все, кроме Сони, как-то осеклись, загнулись по жизни. Это была наша первая черная полоса, удивительным образом настигнувшая нас троих почти одновременно. Она длилась очень долго, почти десять лет, если считать все наши неприятности совместно. Соньке в те годы меньше обломилось проблем, чем остальным, но зато, согласно закону сохранения бед, ей сторицей воздалось в наш

второй черный период жизни.

Моя черная полоса совпала с пубертатным периодом. Лет с шестнадцати в меня будто черти вселились. Традиционно, и это заметно по Варьке, в нашем роду переходный период молодежь переживает крайне болезненно. Вот и я не переставая скандалила, научилась курить, носила предосудительно короткую юбку. Целовалась с мальчишками в подъезде, пила с подружками водку.

Моя подруга Боряна Тодорова была дочерью строителя из дружественной Советскому Союзу Болгарии и потрясающе красивой женщины из нашего города. Ее отец приехал в Гродин строить дома, неожиданно влюбился, женился и стал отцом очаровательной девочки. До тринадцати лет Борянка была единственным ребенком, но потом в семье появился сын, и Борянке это не понравилось. Она была разрядница-гимнастка, комсомолка (насколько я помню) и сама себе голова. Не найдя другого способа наказать предков за плодовитость, она собрала манатки и укатила в спортивный интернат куда-то в среднюю полосу России. Сначала все пошло замечательно: спортивная карьера Борянки быстро поперла в гору. С каждого чемпионата, с каждой Олимпиады она привозила если и не золото, то серебро обязательно.

Но ее уже ждала черная полоса, и годиков в семнадцать Борянка влюбилась в женатого тренера. Он вроде покрутился с ней, чего-то наобещал, кое-что получил и смылся вместе с семьей в спортивный интернат в другом городе. А Бо-

рянка... В ней что-то сломалось. Она разучилась побеждать. Я помню, что в самом конце восьмидесятых она приезжала в родной город Гродин и мы встречались во всяких кабаках – так тогда было принято. Борянка, которая выросла в крупную атлетичную девку, симпатичную, но уж больно мощную, много пила, рассказывала спортивные байки, ржала, плясала на дискотеках и только в день отъезда сказала мне, Дольче и Соньке, что не хочет больше жить.

Мы провожали ее на железнодорожном вокзале. Я просила ее рассказать, что случилось, просила не опускать руки. Сонька кричала ей: «Выброси глупости из своей башки!» Борянка, высунувшись из окна вагона, кивала нам, соглашаясь. Потом поезд тронулся. Дольче, стоявший рядом, сорвался с места и молча побежал за вагоном.

Мне тогда сделалось страшно – за Борянку и за Дольче, чья нескладная еще детская фигура уже терялась в пыли за перроном. Но ничего не произошло. Боряна вернулась к нам через пять лет с дипломом спортфака и пошла работать в школу.

С Дольче, пожалуй, все обернулось еще сложнее. Если не сказать – хуже. Дима Дольский с раннего детства отличался от других мальчиков. Только мы – Сонька, Борянка и я – в годы его юности относились к Дольче как он того заслуживал. Мы любили его. А то, что в четырнадцать лет он втюрился в парня намного старше его, – это его личное дело. Я жалела, что не знала о последствиях той любви и не приез-

жала к Дольче в больницу. Этот козел избил моего друга.

Да, Дольче пришлось натерпеться. Где бы он ни появлялся, куда бы ни приходил – начинались бурные дебаты на тему однополрой любви. Иногда в эти дебаты пытались втянуть и Дольче, но он технично исчезал. Еще его много раз били, обманывали, выставляли на посмешище. И не знаю, откуда он брал силы, но Дольче оставался собой.

По ходу дела он с отличием окончил художественное училище, поступил на архитектурный факультет и даже доучился до четвертого курса. Но душа его была равнодушна к архитектуре. Он хотел чего-то иного. Чего – не знал и сам. Определился Дольче неожиданно и решительно: он будет стилистом.

Его мама, скромный бухгалтер в каком-то НИИ, слегла от горя: мало того что Димочка не похож на других мальчиков, у него нет девушки, он еще и институт бросил! И теперь он будет стричь женщин в парикмахерской!

Анна Леонидовна жаловалась на сына всем знакомым, а те и не знали, что сказать. Думаю, мама нашего друга до сих пор так и не узнала слова «гомосексуалист».

Глава 6

– Наташа, мне так стыдно!..

Соня плакала уже сорок минут. Я принесла ей воды, накапала валерьянки, достала из бара мартини, но успокоить ее не могла.

Мысленно я воззвала к Небесам (а ведь мне на до переодеться к похоронам!), как вдруг на землю спустились ангелы. То есть открылась дверь и в кабинет вошел элегантный, как Том Форд, мой друг Дольче в сопровождении приплясывающей длинноногой Борянки, красовавшейся в белом спортивном костюме.

В руках Боряны был буклет фитнес-центра «Амадей», то есть того самого заведения, которое мы официально считали конкурирующим нашему Центру. Они посмеивались над чем-то, видно собираясь это что-то рассказать нам, но, увидев заплаканную Соню, примолкли и остановились. Дольче присел возле дивана на корточки и взял в свои руки Сонину мокрую ладонь. Борянка всем телом рухнула на диван рядом с подругой. Они заговорили между собой, иногда оборачиваясь на меня и требуя подтверждения Сониному рассказу, а я пошла за сумкой к своему столу и вдруг остановилась, глядя на них.

Мне был виден точеный Сонин профиль, ее светлые пушистые локоны, которые контрастировали с короткими чер-

ными волосами Борянки, смотрящей на подругу с раскрытым от удивления и сочувствия ртом, а рядом – голый и совершенный, как из учебника по анатомии, череп Дольче. Они говорили, то все вместе, то один за другим, замолкали, одновременно качали головой, так же одновременно улыбались. Они понимали друг друга. И я бы отдала душу, чтобы вот так все и продолжалось!

Борянка, почувствовав мой умиленный взгляд, подняла на меня глаза и прищурилась:

– Куда это ты собралась? Рабочий день только начинается!

– Я на похороны, пацаны.

– К Закревской?

– Нет, хотя, наверное, надо узнать, когда ее будут хоронить, и послать венок. Да?

– Конечно, – согласился Дольче, поднимаясь во весь свой рост. – Так на какие похороны ты идешь?

– Умерла Сашина мать.

Услышав это, Соня даже плакать перестала. Все знали Сашину мать, знали и о моих с ней взаимоотношениях, если взаимоотношениями можно назвать то, что происходило между охранником в нацистском лагере смерти и заключенным там евреем.

– Значит, – цинично ухмыльнулась Борянка, – старая шлюха преставилась.

Я кивнула. Причем возражать против эпитета «шлюха» не имело смысла. Репутацию Александры Николаевны в этом

смысле заштопать было уже невозможно, даже белыми нитками.

– Но зачем тебе-то идти туда? – спросила Соня.

– Саша попросил... поддержать...

– Она идет на похороны свекрови, чтобы плюнуть в гроб и станцевать джигу на ее свежей могиле, – ядовито прокомментировал Дольче, наливая себе кофе из кофемашины. – Удачи, дорогая!

Борянка громко заржала, Дольче подмигнул мне, а Соня слабо улыбнулась. Эти трое, как всегда, читали мои мысли.

Глава 7

На переодевание мне оставалось совсем немного времени. Выскочив на остановку, я огляделась в поисках такси или маршрутки. И тут меня охватило странное ощущение: клянусь мощами моей свекрови, за мной кто-то наблюдал. Но кто – было непонятно. Люди, машины – все спешат по делам. Так откуда это самоощущение подопытной мышки?

Кое-как добравшись до квартиры, я обнаружила в гостиной новый водопад: на этот раз слезами заливалась моя дочь.

– Варька? Ты что?

В ответ я получила только злобный взгляд.

– Варь, я могу помочь?

– Чем? – сердито спросило мое солнышко.

– А чем надо?

– Ничем.

Увы, девичьи грезы, девичьи слезы. Увы мне, увы.

В спальне я почти влезла в шифоньер, чтобы отыскать черную юбку и по возможности строгую блузку.

– Наряжаешься?

Варька неслышно вошла в мою спальню и притулилась спиной к спинке дивана. В зеркале шифоньера я могла наблюдать ее трагический силуэт, сдвинутые «брежневские» брови и острую коленку, которой она упиралась в диванное сиденье.

– Да, надо быстро переодеться и съездить кое-куда. Тебе полегчало?

– Нет.

– Варь... – Я вылезла из шифоньера с нужными тряпками в руках и повернулась к дочери, собираясь все-таки признаться в цели своих манипуляций.

Она успела первой:

– Меня бросил мой парень.

Дочурка вдруг увлеченно взялась рассматривать свой маникюр.

– Ну... Наверное, это к лучшему.

Варька всплеснула руками и завопила так, будто ее ошпарили:

– Я люблю его! Он такой классный, он особенный, он не такой, как все! И неужели непонятно, что такой парень не будет встречаться с таким страшилищем, как я! Ты что, не видишь, что я жирная, что у меня волосы дурацкие!

– Варь, я не знала, что ты собой недовольна, – удивилась я. – Мы можем пойти в Центр, к косметологу, к Боряне, к Дольче. Почему же ты мне не говорила, что хочешь изменить прическу, или похудеть, или еще что-нибудь?

– А тебе это надо? Ты только о себе думаешь...

Бросив на пол шмотки, я подошла к Варюхе и обняла ее. Она была напряжена, как сжатая пружина, но я стала покачиваться вместе с ней вправо, влево, снова и снова, мурлыкать ей что-то ласковое, и вот ее руки обняли меня, ладони

раскрылись, и она тихо, по-детски вздохнула...

Глава 8

– Наташенька. – Встретив меня в коридоре маминой квартиры, Сашка подошел ко мне и робко обнял за плечи. Это были третьи слезливые объятия за сегодняшний день. Я, наверное, уже профи в обниманиях. – Наташенька, я совсем не знаю, что мне делать.

– Ну что ты, – сказала я максимально сочувственным тоном. – Все будет хорошо...

Бывший муж пах тяжелым алкоголем, валерьянкой, приятным парфюмом. Он не пах табаком, как много лет назад, когда мы познакомились, влюбились и поженились. Мама отучила его курить. Он вообще не пах ничем, что могло бы пробудить хоть какие-то воспоминания в моей душе. А ведь момент-то трогательный! После развода мы почти не виделись пятнадцать лет.

Я ощутила, как что-то мокрое капнуло мне на шею. Отстранилась от него, заглянула в его глаза, еще раз поразившись, как же похожа на него его дочь, которая ему совсем не нужна. Постаралась ободряюще улыбнуться.

Непростой будет день, поняла я. И была полностью права.

– Саша, может, познакомишь своих жен?

Саша отскочил от меня на три шага, и только тогда я разглядела в дверном проеме пухлую фигуру второй Сашкиной жены – Алины. Это была активная молодая женщина с яр-

кими рыжими волосами и взглядом... боже ж мой, со взглядом моей свекрови!

– Это Наташа...

Я кивнула Алине и спокойно направилась мимо нее в комнату, где на стульях, расставленных вдоль стен, уже сидели пожилые незнакомые мне дамы. Покойная лежала в гробу, стоящем на табуретках в центре этой комнаты. Она по самую шею была завалена цветами. Обойдя гроб стороной и стараясь даже не смотреть на мертвую старуху, выпившую в свое время не один литр моей крови, я отошла в сторонку.

А все-таки Александра Николаевна была необыкновенным человеком. Основной жизненный принцип моей бывшей свекрови можно было бы выразить поговоркой: что дозволено Зевсу, не дозволено быку. Вы понимаете, что себя она считала не быком. У нее было забавное, по моему мнению, оправдание. Александра Николаевна любила припоминать, что она – представительница славного дворянского рода. В 1919 году мать Александры Николаевны, еще будучи юной девушкой, бежала из революционного Петрограда на юг России, где ее семье принадлежало небольшое поместье, расположенное неподалеку от Малых Грязнушек. Все родные и близкие девушки были расстреляны, их дом конфискован. Александра Николаевна свидетельствовала, что молодая аристократка все же сумела прихватить с собой некоторые фамильные драгоценности, от которых сейчас почти ничего и не осталось.

Поместье, в котором мечтала спрятаться от революции девушка, оказалось сожжено. Тогда будущая прабабушка моей дочери приехала в Грязнушки и, скрыв свое высокое происхождение, устроилась работать учительницей в организованную большевиками школу. Вскоре – какой мезальянс! – учительница вышла замуж за дворника.

Я всегда думала, что Александра Николаевна умом и сердцем пошла в своего плебейского папашу, а иначе мне пришлось бы признать свои представления о благородстве русского дворянства иллюзорными.

Мои волнительные воспоминания прервал мобильный телефон. Встрепенувшись, словно меня уличили в чем-то непристойном, я покинула занятые позиции.

Звонил Геннадий Егорович, прокурор, защитивший нас с Сонькой от злого следователя.

Оказывается, Василий Иванович действительно много на себя взял, явившись в любимый Центр здоровья прокурора Стаценко. Геннадий Егорович затребовал документы по делу Закревской, а выяснилось, что дела-то и нет! Да и откуда оно возьмется, если нет никаких оснований для его возбуждения? Никаких заявлений от родственников, никаких подозрительных заключений патологоанатома. Он просто соврал нам о результатах экспертизы.

И кстати, может ли Сонечка принять Стаценко на этой неделе? Геннадий Егорович прибавил два килограмма. Вроде бы это не смертельно, но...

Глава 9

Мне уже не хотелось возвращаться в комнату, где лежала Александра Николаевна, поэтому я решила немного погулять по квартире, освежая свои довольно омерзительные воспоминания.

А тут все так же стоит тяжелый запах пищи, жаренной на сливочном масле, острой, жирной и тяжелой. В этом доме царил культ еды. Александра Николаевна и Саша любили долгие застолья и даже обычное утреннее чаепитие превращали в мероприятие вселенского масштаба. Как у Стругацких, здесь «много и вкусно ели».

Возможно, мне мерещилось, но ничего в этом доме не изменилось. Даже обои, даже занавеси в спальне, в которой мы с Сашкой и Варькой прожили наш единственный год вместе. И даже если я утрирую с обоями и занавесями, спальный гарнитур был совершенно точно прежний! Да ему же сорок лет, не меньше!

– Приятные воспоминания?

Я вздрогнула и обернулась. За моей спиной стояла Алина. Симпатичная женщина: правильные черты лица, большие глаза. На ее левой щеке, чуть выше уголка рта, чернела довольно внушительная родинка. С первого взгляда она казалась не слишком большой, но, глядя на Алину, становилось все труднее отрывать от нее взгляд. Мне показалось, что

где-то раньше я уже видела эту женщину.

– Нет, не приятные, а даже наоборот. А вы счастливы здесь?

Вопрос я, конечно, вlepила жесткий. Ничего, пусть когти втянет.

– Буду счастлива, – улыбнулась она вполне откровенно. – Теперь я здесь хозяйка.

– Слава богу, – улыбнулась я ей в ответ. – И выбросьте вы это старье!

– Завтра же выброшу, обещаю. – Алина механически повторила свою улыбку, и тогда я ее узнала! Она была ведущей новостной программы «ТВ-Гродин». – Наташа, а я давно хотела с вами познакомиться. Все мои знакомые ходят к вашему стилисту – Диме. А меня он не соглашается принять, говорит, что занят. Так обидно!

Дольче был звездой, куда нам, грешным.

– Я попрошу его принять вас. Дайте свой номер телефона.

– Спасибо, Наташенька! Вы – добрый гений. Я сумею вам добром отплатить.

– Да что вы, – потупилась я. Немножко смуцало это наше мурлыканье.

На пороге спальни возникло печальное привидение:

– Сейчас будем... выносить. Пойдемте, девочки!

Глава 10

Вечером следующего дня моя компания решила развеяться. Как всегда, эта мысль родилась одновременно во всех четырех головах. И вскоре мы оказались в «Центральном».

А в ресторане был просто аншлаг! Все столики в основном зале, в кабинках были заняты. В банкетной, как мне насплетничала знакомая официантка, что-то отмечала прокуратура. Я поморщилась, услышав название этой уважаемой организации, но Соне ничего не рассказала.

Она, по обыкновению, пила мартини, причем не просто пила, а заливала свои проблемы. Борянка, предпочитавшая водку, тоже не ограничивала себя в количестве выпитого. Дольче цедил виски, а для меня уже принесли бутылку сухого красного грузинского вина.

Подвыпившая Сонька впала в эйфорическое настроение, что слегка напоминало истерику.

– Выпьем за счастье! – провозгласила она.

Мы чокнулись своими бокалами, стаканами и рюмками.

– Борянка, скажи, ты счастлива?

Борянка кивнула.

– И ничего больше не хочешь? – продолжала приставать Соня.

– Ну... Не знаю, а что надо хотеть? Хорошо бы, чтобы Надька разорилась...

– Наташка, а ты?

– Чего я? Я счастлива.

– А чего бы хотела?

– Любви, – честно сказала я. – Большой и светлой. Правда, что вы ржете? Я хочу, чтобы был импульс, толчок, чтобы все засияло.

– Дольче?

– Дольче хочет Габбану, – съехидничала Борянка.

Нам с Соней так понравилась ее шутка, что мы завизжали от смеха.

– Дуры, – беззлобно произнес Дольче. – У меня, единственного из вас, есть хоть кто-то постоянный. Яков скоро приезжает. Можете завидовать.

– Ой, прям там, – отозвалась Соня. – Неужели ты так счастлив, что ничегошеньки тебе не требуется?

– Я хочу ребенка. Кто из вас мне его родит?

– Не я, – быстро сказала Соня.

– Пусть Борянка рождает, – отбоярилась я.

Дольче посмотрел на Борянку. По идее, она должна была засмеяться, ляпнуть что-нибудь этакое, вредное. Но ее слова прозвучали отрезвляюще:

– У меня был ребенок. Он родился мертвый. Помните, я приезжала к вам из Оренбурга? Нам лет по девятнадцать было?

Мы помнили, только не знали.

– Давайте выпьем за наш Центр, – сказала Борянка. – Если

бы не он, что бы сейчас делали?

И мы выпили за Центр.

Глава 11

Поздно вечером, когда я вернулась домой, Варька уже спала. Я пошла на кухню, налила себе заключительный в этот вечер бокал сухого красного вина и включила телевизор. Пришло время плохих мыслей.

Есть много способов скрыться от воспоминаний. Найти убежище, расслабиться, позвать на помощь близких людей. Это всегда помогает. Мое убежище – кухня, мое расслабление – вино, а близких я недавно видела.

И сейчас увижу снова, хотя бы одного из них.

Я забыла упомянуть, что мой бывший уже десять лет руководит самой крупной в городе теле- и радиовещательной компанией «ТВ-Гродин». Это, конечно, парадокс, но вот на работе его железная структура как-то кристаллизуется, структурируется. Отзывы о нем такие, будто это отзывы во все не о нем: опытный руководитель, профессионал в своей области и т. д. и т. п.

Когда я сказала, что мы с ним за последние пятнадцать лет почти не виделись, под «почти» я подразумевала несколько деловых встреч, на которых было договорено, что алименты за все годы, в которые мы их не видели, Александр Петрович отдаст мне бартером. Это будут передачи с участием моего друга Дольче (Дмитрия Дольского), в которых он будет замурышек нашего города превращать в королев нашего же

болота.

Съемки будут проводиться в Центре, выходить – в прайм-тайм. То есть это будет самая лучшая реклама нашего с Дольче, Боряной и Соней бизнеса.

Понятия не имею, почему Саша согласился на это мое, мягко говоря, странное предложение, но уж так случилось – и слава богу.

С тех пор два раза в неделю – во вторник и в четверг – я любовалась на нашего красавчика Дольче. А выглядел он так, что просто сердце замирало: стройный, широкоплечий, с такой собственной особенной индивидуальной улыбочкой – то ли саркастической, то ли печальной...

И сегодня, во вторник (как мне казалось), я собиралась заняться тем же самым. На беду, я запуталась в днях недели. Вместо Дольче на экране моего телевизора появился человек, воспоминания о котором я и называю плохими мыслями. Потому что они пахнут болью, а на вкус – молотый имбирь и хина.

Можно было бы переключить канал, но я не смогла. Тем более что Шельдешов не случайно попал в новостную программу.

Место, где велась съемка, узнать было просто – картинная галерея имени Станислава Шельдешова – отца Жени. Станислав Шельдешов был самым-самым художником и скульптором нашей области, а также известной персоной в художественном мире всей огромной Советской страны. В конце

девяностых он скоропостижно скончался от инфаркта.

О масштабе его творчества свидетельствовали почти все памятники в нашем городе – от бюста Менделеева в одноименном парке и до скульптуры «Пионер», украсившей сквер возле Дома пионеров на улице Клары Цеткин. Этот пионер, кстати, был вылитый Женька Шельдешов в возрасте десяти лет.

Но папина слава на карьере наследника отразилась не лучшим образом. Долгие годы Женя был только «сыном», а коллеги отказывались принимать Шельдешова-младшего как равного себе. Женьке пришлось добиваться признания тяжелым трудом.

А тем временем на экране моей плазмы мелькали, одна за другой, картины моего любимого художника. Немного дольше оператор задержал камеру на изрезанных полотнах. Сосредоточившись, я уловила обрывок комментария: «...Евгений Шельдешов представил свои работы. Из пятнадцати картин вандалы изрезали пять. Все эти картины были портретами его супруги – тоже известной художницы Инны Шельдешовой».

Интервью с Женей вела Алина Рытова, с которой мы так любезно расстались около пяти часов назад. Художник отвечал на ее вопросы, заикаясь больше обычного. Он заикался с детства, если переживал, а тут он явно переживал.

Женя мало изменился за последние восемь лет. Наверное, только чуть поседел и похудел, да резче стали вертикальные

морщинки чуть выше переносицы. Он коротко подстригся и сильнее, чем раньше, сутулился.

У Дольче была такая манера: когда он рассказывал о ком-то, кого мы никогда не видели, он говорил: да это просто Роберт де Ниро, или Уиллем Дефо, или Кевин Спейси. И я подумала, что Женьку можно было бы сравнить с Робертом Редфордом. Правда, приходилось признать, что Редфорд был красивее примерно раза в два. Зато Женька обладал потрясающим обаянием самодостаточного, целеустремленного, немного замкнутого, но дружелюбного человека, который смотрит на жизнь как на цепь событий, приводящих к точке, где сбываются мечты.

Кстати, нам с девчонками Дольче тоже навешал ярлыков: я у него была Мерил Стрип, Борянка – Миллой Йовович, а Соня – Катрин Денёв. Такой он романтик.

Сколько сейчас лет Женьке? Да, как и Дольче, – тридцать девять. Но в отличие от Дольче Женька вряд ли проводил по два часа в фитнес-зале, правильно питался и загорал в солярии.

Снова показали изрезанные полотна. Картины были так хороши, что даже мне их было жаль. Хотя какое мне дело до портретов его супруги, «тоже известной художницы»? Тем более что моих портретов Женька не писал...

Ночные кошмары могут иметь очень невинный вид. Мне снилось зеленоватое Азовское море летом в предзакатные часы, пляж из мелких-мелких битых ракушек и три собаки,

бегущие вдоль берега со звонким лаем. Одна собака была рыжая, другая – черно-белая, а третья – пегая.

Ты смотришь на них, как мне кажется, запоминая все окружающее пространство с его цветами, ощущениями и даже звуками. Мне обидно, что ты не смотришь на меня, и я толкаю тебя в бок, якобы предлагая бутылку пива, но на самом деле просто требуя внимания.

Ты поворачиваешь ко мне свое загорелое лицо, улыбаясь так, будто понимаешь мою игру, и с удовольствием в нее включаешься. Берешь у меня пиво, отставляешь его в сторону и обеими руками, так, как берут на руки маленьких детей, притягиваешь меня к себе на колени.

И мы сидим вот так, тесно прижавшись друг к другу, наблюдая за закатом.

Страшно? Мне – да. Потому что этого больше не будет.

Глава 12

Было, наверное, часов девять, не больше. Я пила кофе за своим рабочим столом, Соня еще не приехала, а Борянка и Дольче занимались капозэйрой в зале фитнеса. Клиентов на этот час назначено не было. Мы специально освободили час с утра, потому что ждали сантехника. У нас вчера вечером негламурно забился унитаз.

– Какая-то дура бросила прокладку, – авторитетно заявила Борянка. – Вроде приличные люди сюда ходят, а унитазом пользоваться не умеют. Деревенщины.

Мы с ней согласились. Такое бывает, ничего не поделаешь.

Я уже допивала кофе, как вдруг мир вокруг меня дрогнул и в мою сторону полетели стекла, которые секунду назад были частью дверного полотна. Стекла, конечно, меня не достали, но лица коснулся теплый выдох взрыва.

Я выскочила из кабинета. Из всех дверей, выходящих в холл, и из окна повывлетали стекла, зеркало в золотой раме треснуло, два из четырех хрустальных светильников рухнули на пол, палас горел, по холлу были разбросаны какие-то черные ошметки, а Марина, наш офис-менеджер, лежала на полу. Она была черной и красной. Черной от гари, а красной – от крови. Я бросилась звонить в скорую.

Борянка и Дольче оказались в холле почти одновременно

со мной. Борянка склонилась над Мариной, а Дольче стал проверять помещения – вдруг у нас был еще кто-то и этот кто-то пострадал?

Вернувшись, он остановился посреди всего этого погрома. Потом поднял обгорелый фрагмент картонной коробки. Судя по цвету и обрывку надписи, это была коробочка от бумаги для принтера. Она стояла тут утром, когда я пришла на работу. А возможно, и вчера. Я даже внимания не обратила. Думала, Маринка приготовила ее для чего-то. Или просто выбросить... Черт, надо было обратить внимание на эту чертову коробочку раньше!

Дольче, наверное, подумал то же самое. Но его вывод оказался намного глубже:

– Пацаны, кажется, у нас снова начинается темная полоса.

Глава 13

Вечером мы собрались у Дольче.

Сначала к нему приперлась я. После целого дня, проведенного в компании сначала милицейских экспертов, а потом – мастеров, которым мы собирались поручить ремонт, я была в большой печали.

Идея приехать к Дольче показалась мне лучшей мыслью из всех возможных.

Дом моего, нашего детства обладал восхитительной способностью отвлекать мысли прочь от забот. Само его существование в нашем маленьком, но удивительно мерзком городишке было хорошей приметой для меня и моей троицы. К тому же мне очень нравилась квартира друга.

Единственным ее недостатком, по моему мнению, было то, что окна выходили только во двор, а не на бульвар. То же самое говорила и Боряна, а Дольче и Соня придерживались иного мнения. Они всегда больше любили двор.

Все остальное в квартире Дольче мне безумно нравилось. Все-таки четыре курса архитектурного факультета не прошли для него даром. Когда у моего друга появились лишние деньги, он так обустроил квартиру, что позавидовал сам себе. Думаю, он хотел создать нечто в духе модернизма, но с поправками на собственный вкус.

Для начала Дольче избавился от сплошных стен, оставив

только арки и колонны, потом насытил расширившееся пространство яркими, хоть и не кричащими цветами. Добавил немного японского, немного египетского, чуть позолоты и расстелил черные ковры.

Итог был противоречивый, но приятный для глаз.

Моим любимым местом в этом жилище была вульгарная козетка, обитая цветастым шелком под светильником, якобы «Тиффани».

Этим вечером я тоже забралась на свою козетку, поджала ноги и отчиталась:

– Милиция не знает, кто нас взорвал, потому что мы не знаем. А если мы не знаем, то кто же милиции скажет, кто нас взорвал? А ремонт нам в большие бабки выльется.

Дольче, огорченно кивая, полез в бар, достал для меня красное сухое вино.

– А я хотел взять денег на поездку в Москву. Там выставка...

– А я хотела новый тренажер, – поделилась Борянка, вдруг появившаяся на пороге.

Оказывается, я забыла закрыть за собой входную дверь.

Она тут же пошла к бару за водкой.

В дверь позвонили.

– Соня, наверное, – сказал Дольче, направляясь в прихожую.

Он не ошибся.

– Маринка в жутком состоянии, – сообщила Соня, ничуть

не удивившись, что компания была в полном сборе. – Ребята, мы должны организовать ей самое лучшее лечение...

– Конечно, – поддержал ее добрый Дольче, не дослушав конец фразы.

– ...она пострадала из-за кого-то из нас.

Мы с Борянкой уставились на Соню почти так же, как и на Дольче, когда он сегодня утром после взрыва вдруг начал пророчествовать.

– Маринка сказала, что перед взрывом был телефонный звонок. Ей сказали: «Пусть получит твой директор за моего мужа».

– Баба звонила? – спросила Борянка.

– Нет, не баба, – ехидно сказала я. – Деда.

Сонька пошла к бару, вытащила оттуда мартини, Дольче достал сигарету. Вообще-то он пытался бросить курить, но ему это плохо удавалось.

– Пацаны, кто чьего мужа обидел? – спросила Борянка.

– Все ж таки надо думать, – резюмировал Дольче. – Нам мстят. Следовательно, что вчера был, – он откуда взялся? Наташка, ты чего думаешь?

Я развела руками:

– Не знаю. Но почему-то мне кажется, что ты прав. Нам мстят, и надо хотя бы понять – за что. Что мы натворили? Давайте я начну. Вчера на похоронах свекрови я обнимала своего бывшего. Нас засекла его новая жена, и ей это не понравилось. А после кладбища он вообще рыдал у меня на

груди. Алина умирала от злости. Но не могла же она организовать взрыв так быстро?!

Все вежливо захихикали, но выворачивать душу не бросились. Кажется, они все решили отмолчаться и потихоньку напиться.

– Кстати, Дольче, поработай с Алиной, будь другом. После ремонта, конечно.

Дольче скорчил недовольную рожу, но кивнул, подтверждая согласие.

– Давайте вернемся к нашим баранам, – не унималась я. – Кто что натворил? Соня, ты попалась с таблетками. Это мы поняли, ты больше не будешь. Ну а с чужими мужьями ничего не было?

– Нет.

– Что же, я одна чужого мужа обнимала? Ну ладно. Может, что-то другое? Вот у меня, кроме того, что я сказала, с Варькой проблемы. Ее парень бросил...

– А он не женат? – спросила Борянка вроде в шутку.

– Да нет, он же молоденький парень!..

Боряна вдруг пригорюнилась – опустила голову, закусила губу.

– И я встречаюсь с молоденьким парнем, – созналась она. – Ему двадцать лет, он работает на стройке. Просто парень. Ничего особенного.

– Ты же педофилка, Боря, – озадаченно произнес Дольче. – Как можно спать с человеком, который тебе в сыновья

годится?

– Иди к черту! – фыркнула Боряна. – Он выше меня на полголовы, тело такое, что просто ум долой. Ты бы тоже влюбился, педик.

Дольче швырнул в нее апельсином, но его глаза смеялись. Они часто грызлись, а ведь будь у Дольче хоть немного гетерочувств, они с Борянкой, наверное, поженились бы. Как бы они вдвоем чудно смотрелись!

Глава 14

С моего места на козетке я сумела разглядеть, что под столешницей журнального столика Дольче прячет свой фотоальбом.

– Парень этот, Андрей, он из деревни, – рассказывала Боряна. – Но он такой приятный, такой вежливый, воспитанный. Я с ним уже три месяца встречаюсь. Не хотела говорить. Из-за его возраста. И я замечать стала нечто такое... Вот он, к примеру, прячет от меня паспорт. Или звонит ему кто-то, а он сразу на меня смотрит – наблюдаю я за ним или нет? Или вот еще. Я точно знаю, что он очень хорошо зарабатывает. А денег на меня не тратит. Мне-то это и не надо. Я хочу только любовью с ним заниматься, но если возникает денежный разговор – он сразу в кусты. Я не хотела об этом думать раньше, но сейчас думаю, что он женат.

– А где он живет? – поинтересовалась Соня рассеянно. Было заметно, что она уже немного пьяна. Как и все мы.

– Они с приятелем снимают квартиру на двоих.

– Надо бы о нем все разузнать, – решила я. – Нам сейчас не нужны загадки.

Слушая подругу, я листала альбом Дольче. Вот мы маленькие, с родителями. Чинно гуляем вокруг песочницы. Вот – первый класс. Дольче и Сонька ходили в пятую школу, а мы с Борянкой – в двадцать восьмую. Пятая школа бы-

ла крутая – английская, а вот наша вполне себе захолустная. Вот класс, в котором учился Дольче. Ученикам на фото лет по пятнадцать. Дольче выглядел очень смешным – худенький, круглолицый и очень несчастный. А сейчас – уверенный в себе мужик, внешне – нечто среднее между Брэдом Питтом и Пирсом Броснаном.

А это, рядом с ним... Это Женька. Мой Женька в свои пятнадцать! Вот он-то очень узнаваем. Те же внимательные глаза, широкий рот, упрямый подбородок.

Странно, почему же Дольче никогда не говорил мне, что учился с Женькой Шельдешовым в одном классе?

Я допила бокал и перевернула страниц пять разом. Тут была фотка, сделанная в художественном училище. И снова Дольче и Женька в одном кадре.

А вот студенты архитектурного факультета на практике – таскают кирпичи на какой-то стройке. Здесь Женьки уже не было.

Я закрыла альбом. Подняв глаза на всю компанию, я заметила, что Дольче наблюдает за мной. Мерзавец такой, неужели он думал, что я не узнаю?..

– Пацаны, а вы жрать не хотите? – бодро спросила Боряна.

– Хотим, – отозвались мы дружно.

– Я закажу такси, поедем в «Центральный», – сказал Дольче и пошел в спальню за телефоном.

Глава 15

– Дольче, почему ты молчал?

Мой вопрос не требовал уточнений. Мы всегда точно знали, о чем ведет речь друг. И сейчас, когда Соня с Борянкой, перебрав еще больше прежнего, пошли к диджею заказывать песни, Дольче не стал уваливать от ответа:

– Наташа, я... знал, что у вас ничего не получится. Женька – отличный парень, очень порядочный, честный, веселый, тонкий, умный, добрый. Он лучше всех, но он заиклен на своем творчестве. Для него быть художником – это как раньше быть монахом. То есть я хотел сказать – искусство для него абсолютно все. И вы бы расстались все равно. Это было predetermined. А ты бы потом и меня не захотела больше видеть. Ты бы смотрела на меня, а вспоминала его.

– Знаешь, наверное, это правильно, что ты промолчал тогда.

– Я знаю. Я тебя люблю.

Я потянулась к щеке друга, чтобы поцеловать его.

– Смотри, так и липнет к мужикам! – завопила Борянка с середины ресторанного зала.

Они с Сонькой заказали «Слушая наше дыхание» и теперь собирались выпить еще. Лично мне казалось, что им уже достаточно.

– Наташка, он красивый, но баб не любит!

– Любит, – ответила я, отпуская улыбающегося и тоже пьяненького Дольче. – Он только что мне сказал...

– Наташка, давай за него выпьем! – завопила уже Сонька. Нас точно выпрут из «Центрального» с позором!

– Тише, Соня, я выпью, только вино кончилось. Мартини тоже? Ну ладно. Боряна, дай мне водки, что ли. – Я подняла рюмку и сказала: – За Дольче. Не надо нам никаких больше мужиков. Ну их в жопу.

Троица захихикала, Борянка зааплодировала, причем в одной руке у нее была рюмка. Водка расплескалась, но она и не заметила. Мы снова заговорили о чем-то, потом принесли какие-то закуски, и официант поставил на стол новую бутылку водки.

Борянка тут же бросилась разливать, а я попросила принести вина.

У меня появилось легкое ощущение дежавю. Что-то мы зачастили пировать. Неужели же мы подсознательно боремся с наступлением темной полосы? Желая избавиться от тревоги, я повернулась к Дольче:

– А я вчера репортаж видела по телику. Кто-то порезал картины Шельдешова. Все портреты его жены. Точно он себе любовницу завел!

– Женька не такой, – сказал Дольче, видно позабыв, что как раз с экс-любовницей этого самого Женьки и говорит. – А ты и его жену не помнишь?

– Помню. Такое не забывается. Я же ее на машине сбила.

– Нет, в детстве не помнишь? Инка, мелкая такая, всегда в чьи-то ношенные вещи одетая. Замухрышкой она была редкостной!

Я изумилась:

– Она на нашей улице жила?

– Да через забор! – Дольче было приятно мое потрясение. – У нее еще брат был старший, но я его, наверное, и не видел. Он старше нас был лет на десять. Знаю, что он подростком сбежал из дома, от отца. Отец у них был алкаш конченный, всегда в ватнике ходил. И в штанах с обвислым задом. Здоровенный такой, грубый... Ну, ты, может, и вправду не помнишь. А моя мама тогда работала в автоколонне, где он шофером был. Мама про него много чего рассказывала. Он жену лупил, дочь гонял. Просто скотина какая-то.

– Все-таки кое-что я помню. Был такой придурок на нашей улице, он на детей матом орал. Мерзкий тип.

– Ну вот. А Инка была его дочкой. Представь, что она переживала!

Вот Дольче всегда помнил такие сюжеты. У него было обостренное чувство справедливости.

– Инке еще повезло, что он в сорок лет на своем грузовике разбился. Скорее всего, пьяный был. А Инка после восьмого класса в художественное училище поступила. И это притом, что она нигде раньше рисовать не училась. Просто пришла на вступительный экзамен, а его принимал сам Шельдешов, и тут оказалось – Инка гений. Он ее взял в ученики, стал

работать с ней, руку поставил, всему научил, продвигал до самой своей смерти. Она за Женьку замуж вышла. Ладно, Наташка, давай выпьем. Ты что-то совсем скисла.

Еще через полчаса мы все были пьяны до крайней степени. Дольче поймал такси, мы выгрузились из ресторана, уселись в машину, и вскоре я оказалась дома, в постельке.

Около четырех утра зазвонил мой мобильный. Я подскочила на кровати, долго рылась в сумке, пока не достала вопящий телефон. Звонил Дольче.

– Борянка умерла, – сказал он.

Часть вторая

Глава 1

После смерти Боряны мы убедились: нас настигла темная полоса, да такая, какой еще у нас не было.

Центр пришлось временно закрыть – из-за ремонта и из-за того, что мы втроем были не в состоянии работать. Это казалось плохим знаком, потому что Центр был символом хорошего для всех нас времени. Мы с Соней обзвонили клиентов и сообщили, что ближайшие несколько месяцев работать не сможем. Это было очень плохо, ведь клиентская база у нас богатая во всех смыслах. И капризная. Вернутся ли теперь они к нам? Только в кошмарном сне можно представить, что про нас будет рассказывать наша милая Надежда.

С темным периодом надо было бороться. Для начала мы взялись защищать свои тылы. В тылах основным источником проблем был Сонькин Леша. Он снова отказывался лечиться и исчезал из дома, несмотря на замки и запоры.

Мы с Дольче решили, что на ремонт Центра мы возьмем кредит, а за свои деньги отправим Лешика в закрытую наркологическую клинику в поселке Храмогорка. Оттуда Алексею при всем его желании сбежать не удастся. Но и это была временная мера. У немецкого друга Дольче Якова был

собственный опыт лечения от наркозависимости. И он пообещал, что Лешу можно будет устроить в то место, где сумели помочь ему самому. Яков описывал это заведение как общину, где вместе проживают и те, кто сумел избавиться от своего пристрастия, и те, кто никак не мог этого сделать. Они вместе растят на огороде брюкву, поют хором, пишут акварельки и талдычат целыми днями о том, как прекрасна жизнь без наркотиков. Я бы не стала принимать наркотики только потому, чтобы не очутиться в таком унылом месте. Наверное, если бы СМИ чаще описывали подобные общины, это стало бы лучшей профилактикой наркомании.

Через месяц после похорон Боряны мы отвезли Лешу в закрытую клинику, и у Сони появилась надежда.

Моя Варька в последнюю неделю каникул решила попутешествовать. Видите ли, они с подругами поедут в Испанию, собирать апельсины. Им хочется подзаработать и посмотреть мир, что в этом плохого? Ничего плохого, соглашалась я, только поедешь ты, подруга, к бабушке – в дачный поселок Грибково. Несколько лет назад, когда я купила отдельную квартиру, мама продала свое жилье и переместилась на природу, на свежий воздух. Варьке там самое место. И если ей хочется подружек с апельсинами – пусть возьмет все это с собой.

Варька побухтела немного, но потом подчинилась. Укладывая белье в ее рюкзак, я нашла там альбом для рисования и карандаши. Господи, одни художники вокруг, куда ни

плюнь!

У Дольче не было тылов, о которых надо было бы позаботиться. Его мать была очень бодрой дамой, не кололась героином и не собиралась в Испанию. Так что мы были спокойны за нее.

Он ждал в гости Якова, и я очень надеялась, что любовник поможет моему другу справиться с горем. Думаю, Дольче был потрясен смертью Борянки еще больше, чем мы с Соней. Во-первых, потому, что она умерла у него на руках, а во-вторых, потому, что они всегда были сильнее привязаны друг к другу, чем ко мне или к Соньке.

Глава 2

– Я найду убийцу Боряны, – сказал Дольче тем утром, когда она умерла. – Найду и за яйца подвешу.

Мы почти сразу пришли к выводу, что ее отравили. В больнице нам сказали, что анализ выявил в крови нашей подруги наркотик, нечто типа экстази. Вот только Боряна наркотиков не принимала. Никогда и ни за что. Она рассказывала, что однажды во времена ее бурной спортивной молодости подружки-спортсменки, в том числе и Надька Калачова, раздобыли где-то анашу. Закурили сами и уговорили по-пробовать Боряну. Но ей после первой же затяжки стало так плохо, что повторять опыт она не стала. И даже зная, что разные наркотические средства действуют по-разному, Борянка решила раз и навсегда, что лучше она десять раз напьется, чем хоть раз покурит, проглотит или уколется.

И как несправедливо и обидно, что именно ей было суждено умереть от остановки сердца в результате воздействия наркотического препарата в сочетании с алкоголем... Злая судьба, темный период.

Точно зная, что Боряна не принимала экстази самостоятельно, мы пришли к выводу, что кто-то должен был ей этот наркотик подсунуть – с едой или алкоголем. Ели мы все за тем столом одно и то же – в «Центральном» была традиционная неделя шашлыков, а вегетарианством у нас никто не

увлекался. К шашлыкам мы выбрали разные соусы, зеленый салат, а запивали еду минералкой.

Наши вкусы расходились только в одном разделе меню – в алкогольном. Получается, что тот, кто хотел убить нашу подругу, должен был подмешать наркотик только в водку. И скорее всего, в ту бутылку, которую нам принесли под конец вечера. Мы все помнили, что официант поставил ее нам на стол еще до того, как мы его об этом попросили. Кстати, на том этапе ужина мы вряд ли заказали бы целых пол-литра – Борянка уже немало выпила. Мы бы попросили принести двести граммов водки в графинчике, вот и все. Была ли та бутылка внесена в наш счет – мы не запомнили.

Своими выводами мы поделились с Юрием Семеновичем Булавским, следователем РОВД, который занимался предварительным разбирательством дела нашей Боряны. Однако он сразу сказал нам, что в ее смерти нет ничего криминального, кроме употребления погибшей наркотических средств. Девушка приняла несколько таблеток и запила их водкой, а сердце-то и не выдержало! В итоге смерть нашей подруги была признана несчастным случаем.

Но мы были упрямы. Нам казалось, что прямо сейчас все должно само собой разрешиться, ведь если ты теряешь друга, то должен хотя бы понять – почему? Собравшись с мыслями, мы нанесли Булавскому второй визит. Нам снова было что рассказать.

– Юрий Семенович, – начала я очень дипломатично. – Вы

не подумайте, что мы сомневаемся в вашем профессионализме. Это ни в коем случае! Мы только хотим убедить вас открыть дело, начать искать убийцу Боряны.

Юрий Семенович покивал мне головой, но ответил не так, как мне бы хотелось:

– Очень жаль, но оснований у меня недостаточно.

– А вот у Боряны еще любовник был, – вспомнила Соня. – Боряна подозревала, что у него есть жена. Вот если бы вы выяснили...

– Да что бы я выяснил? – Юрий Семенович даже и не думал на нас злиться, он только не хотел нас слушать.

– Парня того звали Андреем, – вспомнил Дольче. – А мы сможем в телефоне Борянки поискать его номер.

– Вот и поищите, – ласково согласился следователь. – У нас нет даже бутылки, которую, как вы утверждаете, вам передали. Куда она-то делась?

У меня была версия.

– Борянка выпила чуть больше двух рюмок, так что бутылка была еще почти полной. Ее мог прихватить кто-то из персонала ресторана. А тот, кто допил за Борянкой из ее бутылки, не иначе тоже в морге. Вот надо и узнать кто. Может, злополучная бутылка осталась у него в доме? А потом можно сделать экспертизу и доказать, что экстази убийца добавил в бутылку, а Боряна самостоятельно наркотиков не принимала.

– Да ведь две недели прошло! – воскликнул Юрий Семе-

НОВИЧ.

– Но почему же вы этого не сделали раньше? – возмутился Дольче. На его лице появилось выражение детского упрямства.

– Да ведь и свидетелей передачи вам той водки нет!

– А мы сами – не свидетели?

– Дорогие друзья, – сказал нам тогда следователь. – Все, что вы говорите, – правильно. Если говорить абстрактно. Вот только не здесь и не сейчас. На мне и моих ребятах двадцать нераскрытых дел. Они мне не простят, если я возьму и заведу двадцать первое, потенциально всякое дело.

Дольче уже открыл рот, чтобы возмутиться, но Соня взяла его за руку.

– Пойдемте, – сказала она нам. – Все это не имеет никакого смысла.

Глава 3

А на следующий день Дольче нанес визит хозяину «Центрального». Мы были хорошо знакомы с ним, зная, что человек он порядочный и добродушный, хоть и по-крестьянски хитроватый. О результатах беседы Дольче рассказал нам поздно вечером, когда мы втроем собрались в его квартире.

Вадим Сидорович очень расстроился, узнав о несчастье. Он заботливо оберегал репутацию своего заведения от дурных слухов, а отравленная посетительница – это вам не просроченный майонез!

И не подумайте, что он не пожалел о смерти Борянки. Пожалел, только о деле Вадим Сидорович привык думать в первую очередь.

Он позвал в свой кабинет официанта по имени Артур. Именно он обслуживал наш столик два дня назад. Парень произвел на Дольче неприятное впечатление: был явно с перепоею и в грязных штанах, прикрытых передником. В тот вечер, когда он приносил за наш столик еду, мы как-то не обратили на все это внимания. А может, он и не всегда выглядел столь nepотpeбно.

Вид у парня был несчастный, а после угрозы директора ресторана порвать его на клочки, если тот утаит правду, как он уже сделал раньше, дав лживые показания милиции, Артур совсем скис. Дольче с большим артистизмом описывал

нам эту сцену:

– Артур чуть не плакал, когда Вадим Сидорович ему пригрозил. И он рассказал, что было уже довольно поздно, около часа ночи. За стойкой бара сидела женщина в красном платье. Вот она-то и передала бутылку. Официант не очень хорошо запомнил женщину, говорил, что к тому времени очень устал. Точно был уверен только в том, что она молодая, стройная. Ни цвет глаз, ни цвет волос не запомнил. Тем более что у нее на голове была широкая лента. Красная, под цвет платья. В качестве платы за услугу она дала Артуру тысячу рублей.

В качестве итога Дольче сделал потрясающий по глубине вывод: искать надо женщину! Мы бы заплодировали, только что-то не шутилось.

Дольче, заметив скепсис в выражениях наших лиц, махнул рукой.

– А ты спросил, куда могла подеваться та бутылка водки? – напомнила я.

– Нет, – расстроено признался наш друг. – Я забыл. Да ведь две недели прошло. Но это дело поправимое. Мы позвоним в ресторан завтра вечером, в смену Артура, и спросим его о бутылке.

Я улыбнулась ему:

– Ты гений частного сыска.

Он снисходительно кивнул мне и снова проявил инициативу:

– Так стоит ли нам сейчас думать и гадать, кто убил Боряну, или мы просто признаем, что претендентка номер один на роль ее убийцы – Надька?

– Вот уж кто на все способен! – сказала обычно очень миролюбивая Соня. – Лживая предательница, содержанка и хамка, да и с Боряной, человеком, который ее из грязи вытащил, она рассталась плохо. Мне Борянка жаловалась, что Надя, уходя из салона, украла все диски с комплексами упражнений, которые разработала Боряна.

– К тому же Надька отлично знала, что Боряна не переносит наркотиков, – вспомнила я. – Да и прекрасно ей известно, что сыпать наркотик надо будет именно в водку.

Вот только как взять за жабры эту мурену, мы не знали. Идею Дольче приехать в «Амадей» и всем навешать мы отвергли. Она показалась нам слишком уязвимой. Надя умрет, но не признается ни в чем, а потом еще и в суд подаст на нас – за нападение, к примеру.

– Мы возьмем фото этой потаскухи и покажем его в «Центральном», – предложил Дольче. – Так. А еще у нас есть Андрей. Предлагаю начать с него, а если его жена ни при чем, будем думать, что делать с Надькой. Номер телефона Андрея можно поискать в мобильном Борянки. Кто съездит к ее родителям? Я не могу. Меня ее братишка всегда терпеть не мог и сами знаете как называл.

Я посмотрела на Соню. Только она смогла бы прийти в семью убитую горем и, удержавшись от многочасовых рыда-

ний, попросить телефон мертвой дочери и сестры.

Соня молча кивнула. На следующий день она вернулась к Дольче, где мы ее уже ждали, мрачная и расстроенная. Она рассказала нам, что мама Борянки держится только на транквилизаторах, отец каждую минуту хватается за сердце, а брат скрипит зубами и готовится к отъезду в Болгарию вместе с родителями. Он уже несколько лет жил на своей исторической родине, а теперь решил забрать к себе и папу с мамой. Конечно, он прав. Не стоит людям жить в тех местах, где они пережили ужасное горе. Это выматывает душу.

Телефон Андрея мы нашли сразу же. На дисплее Борянкиной «нокии» было зафиксировано сорок пропущенных звонков с его номера. Я взяла «нокию» и нажала на кнопку с зеленой трубочкой.

Глава 4

Мы встретились с Андреем через двадцать минут, назначив встречу на бульваре, возле солидных деревянных лавок, которые стояли здесь последние сорок лет. Эти лавки с узорчатыми чугунными ножками и подлокотниками меняли свой цвет примерно раз в пять лет. Обычно весной. Надо сказать, цвета для покраски лавочек ограничивались холодной гаммой от светло-зеленого до темно-синего. Сейчас лавочки были выкрашены в мой любимый цвет – цвет морской волны.

Андрей подъехал со стороны центра города, небрежно припарковался в проезде между домами и, не разбирая дороги, забыв о всяких правилах дорожного движения, рванул на бульвар через дороги и газоны. Я помахала ему рукой, он подбежал к нам.

Любовник нашей подруги выглядел растерянным и несчастным. Увидев его, я подумала, что, пожалуй, перед нами человек незлой, возможно, даже немного простоватый. Без особых рефлексий, но и не отравленный собственной желчью. И Борянка не преувеличивала – он был очень привлекателен: рослый самец с мощной шеей, прокачанными плечами и длинными ногами. Абсолютно Борянкин тип.

– Так что же случилось? – спросил он, подбегая к нам. – Здравствуйте, я Андрей.

Мы тоже представились.

– Я не понял, она умерла? – стал снова спрашивать он, переводя взгляд своих больших синих глаз с одного из нас на другого.

– Да, Андрюша, – ответила я. – Она умерла. Ее отравили. Он открыл рот, словно ему вдруг стало не хватать воздуха, и опустился на лавку цвета морской волны. Дрожащей рукой парень нащупал в кармане ветровки сигареты, рассеянно достал одну и застыл на месте, как статуя. Дольче протянул ему огонек зажигалки, Соня ободряюще тронула его за плечо.

Закурив, парень подался вперед, уперся локтями в колени и опустил голову.

– Андрей, – голос Дольче звучал нейтрально, – а скажи, ты ведь женат?

Парень поднял голову:

– Да, моя жена живет в Березовке, у моих родителей. Но я люблю Борянку...

– А Боряна знала о твоей жене?

– Нет.

– А твоя жена знала о Боряне?

Андрей пожал плечами:

– Ира ничего не знала, конечно, но...

– Но что? – так же спокойно уточнил Дольче.

– Но, наверное, догадывалась.

– И ревновала?

Андрей, кажется, начал понимать суть вопросов:

– Вы чего, думаете, моя Ирочка... Да вы спятили! Идите

к черту!

Он вскочил на ноги. Дольче сделал шаг и преградил ему путь. Андрей повернулся в мою сторону – я тоже шагнула к нему. Думаю, он легко смел бы нас обоих – меня одной рукой, а Дольче – обеими.

– Андрей. – Мягкий Сонин голос прозвучал в тиши бульвара очень естественно. Парень, насупив брови, глянул на нее. – Андрей, ты немного намутил в своей жизни. Ведь ты женат, но не смог повести себя достойно, а изменил жене. Но ты еще очень молодой человек. У тебя все будет хорошо. А вот у Боряны уже хорошо не будет. Помогите нам хотя бы найти убийцу!

– И что я должен сделать?

– У тебя есть фотография жены?

– Ну да.

– Дай ее нам.

– Зачем?

– Мы покажем фото официанту, который видел убийцу.

Андрей еще раз оглядел нас троих, вздохнул и достал из заднего кармана брюк бумажник.

Взяв из рук парня фото, Соня разочарованно вскрикнула.

Мы с Дольче приблизились к ней, чтобы увидеть: женщина, запечатленная на фотографии, была довольно полной от природы и к тому же трагически беременна, попросту говоря, на сносях. А дата на уголке фотографии свидетельствовала, что снимок был сделан десятого сентября этого года.

То есть всего за несколько дней до смерти Боряны.

Андрей ушел, а мы побрели по бульвару. Бесцельно, безыдейно, молча.

Когда-то в детстве, точнее, на его излете, незадолго до нашего расставания, Дольче сказал, что наш бульвар точно такой, как в Париже. Он начитался Золя или Мопассана, не помню точно.

– У нас тут и улица красивая, и художники есть. Вот если бы тут было еще кафе, где бы собирались поэты и читали стихи! А потом бы мы узнали, что все они стали очень знамениты.

– Да, все Пушкины! – рассмеялась Борянка, которая, кроме Александра Сергеевича, больше и никаких стихотворцев отродясь не знала. Ей вообще поэтическое творчество казалось чем-то легкомысленным.

А нам с Соней мысль Дольче показалась очаровательной. Мы так и вообразили себя в платьях с турнюрами, в забавных шляпах и с зонтиками. Мы сидим за столиками кафе и слушаем человека с черной бородкой в коричневом сюртуке. Он читает свою новую поэму «Цветы зла»...

С тех пор иногда мы называли наш бульвар Парижем. Нашим собственным Парижем, пусть даже Эйфелева башня громоздилась над нашими головами только в воображении.

Глава 5

– Мы сели в лужу, – задумчиво произнес Дольче.

И он был прав. Продуктивных идей по поводу расследования смерти нашей подруги у нас не было. День за днем наш друг мрачнел от разочарования, хоть и улыбался нам, желая ободрить.

Через пару дней мы и вовсе оставили надежду разобраться в произошедшем. Дольче еще раз съездил в ресторан, прихватив фотографию Ирины. Вадим Сидорович встретил его дружелюбно, но того самого нужного нам официанта не было на работе. Как раз в это время кто-то позвонил администратору – симпатичной полноватой брюнетке. Та поговорила по телефону и, насупившись, подошла к Вадиму Сидоровичу:

– Звонит брат Артура. Он на работу не придет – умер вчера ночью. Отравился.

Дольче не поленился съездить к Артуру домой, уверенный, что Артур отхлебнул из той же бутылки, что и Боряна. Оказалось, в доме Артура пустые бутылки долго не задерживались. Сестра покойного чисто отмывала их и сдавала в приемный пункт.

Глава 6

А за мной по-прежнему следили. Иногда мне казалось, что слежка мне лишь мерещится. Правда, зачем следить за мной? Что я такое? Всего-навсего разведенка, у которой теперь еще и бизнес пошел коту под хвост. Денег я никому не должна – даже кредит был оформлен на Соню.

Но в другие моменты я точно знала, что кто-то мной очень интересуется. Пасет. Чаще всего я замечала престарелую серую иномарку. Думаю, это был «форд», но в машинах я плохо разбираюсь. Стекла машины были затонированы до черноты, а номер... Убей меня бог, но он менялся! Правда, была и другая версия – я не была в состоянии запомнить комбинацию букв и цифр. Надо было записать, но я все время забывала прихватить из офиса ручку и блокнот.

Частенько машина ехала за маршруткой, в которую я садилась, останавливалась чуть позади нее, а если из маршрутки выходила не я, продолжала двигаться следом.

Дважды я заметила, как за мной идет человек. Он был одет в неброского цвета куртку, на лоб надвинута черная бейсболка с длинным козырьком, а глаза – ну конечно! – скрывали очки. Рассмотреть преследователя получше мне не удалось ни разу, потому что он был очень осторожен и хорошо знал город.

Сначала я хотела рассказать об этом человеке Дольче и

Соне, а потом передумала: зачем их беспокоить? И так все ужасно. Центр закрыт, наша подруга умерла. И вполне возможно, я бы даже рекомендовала надеяться, что агрессор, причинивший нам так много бед, удовлетворился нашими неприятностями.

Несколько раз мне звонила Алина. Ей очень хотелось, чтобы Дольче взялся за ее имидж. Вот только сам мастер был не в форме. Я попыталась обрисовать Алине его душевное состояние, однако ей все эти нюансы не были интересны. Она заметно обиделась на меня.

А в сентябре к Дольче приехал Яков.

Они были постоянной парой, очень нежной парой, правда, виделись всего несколько раз в год. Яков продолжал жить в Дюссельдорфе со своим стареньким дедушкой, он работал в фирме по производству бумаги. Дольче особенно об этом не распространялся, но мы понимали, что жизнь в благополучной стране оправдала ожидания молодого немца не в полной мере. Уезжая на ПМЖ в Германию, Яков надеялся, что его дед был намного богаче своих русских родственников, однако это оказалось не так.

Яков как-то рассказывал, что его дед уже серьезно болен, почти при смерти. Он часто повторял, что в молодости очень надеялся разбогатеть, но началась война, а после войны были тяжелые времена, и так вот прошла вся жизнь.

За несколько лет мы с девчонками не смогли определиться, нравится нам друг нашего друга или нет. Он был весь

такой нейтральный, такой дружелюбный, такой улыбчивый, что казалось, будто его и нет совсем среди нас, живых людей, а висит в углу портрет приятного молодого человека. Он всегда стремился быть милым, даже чересчур, а мы, выросшие в провинции, в среде обычных, часто малоразвитых и плохо воспитанных людей, сковывались и съеживались от его стараний. Тут самое время заметить, что и Яков до двадцати пяти лет жил в России, но, по-видимому, в иных обстоятельствах.

Чувствуя наше настроение, Дольче показывал нам Якова не слишком часто. Традиционно за время присутствия немецкого гостя в Гродине нас приглашали только дважды: в день приезда Якова, а потом – накануне отъезда. В таких дозах Яков нас устраивал.

На этот раз нас с Сонькой тоже позвали, но встречу Якова мы невольно превратили в поминки Боряны. Мы не могли не говорить о ней постоянно.

Дольче все повторял, что надо найти убийцу, все рассуждал, кто мог отравить ее, предлагал самые безумные версии и много курил. Под конец вечера, видимо, он устал от этих разговоров. Ему нужно было отвлечься, поэтому он все чаще заглядывался на Якова.

Соня вспоминала, что делала, что говорила, что любила и не любила Борянка. Она рассказывала смешные случаи, которые происходили с Борянкой и с ней, а потом шмыгала носом.

А я не могла отделаться от воспоминаний о том застолье, когда Борянка призналась, что родила мертвого ребенка. И то, что она сказала о Центре. Мы просто обязаны возродить наше дело. Центр – вот что опять поможет нам преодолеть темную полосу.

Молчал только Яков. Он улыбался нам с теплом и сочувствием, но было заметно, что его мысли витают в иных сферах.

Часам к девяти все настолько скисли, что решено было сменить тему. Яков попросил посоветовать красивые места в городе или за его пределами. Он хотел сделать несколько снимков на память об этой поездке. Наш немец давно увлекался фотографией, причем даже зарабатывал своим творчеством немного евро.

Соня вспомнила, что любовалась красивыми видами, когда отвозила Лешу в Храмогорскую лечебницу для зависимых людей. И, чтобы не быть голословной, она показала несколько снимков, сделанных камерой мобильного телефона.

Убедившись, что гостям ничего не нужно, Дольче позвал меня в ту часть квартиры, где стояла его большая, широкая, просто роскошная кровать. Прекрасно понимая, что мое целомудрие вне опасности, и, возможно, где-то в чем-то сожалея об этом, я подошла к этой кровати, застеленной черным покрывалом из искусственного меха.

Как я и предполагала, Дольче не потребовал от меня

стриптиза, а взял за плечи и повернул спиной к ложу любви. И я увидела несколько картин, размещенных на стене, напротив кровати. Картины немного не вписывались в общий интерьер всей квартиры, зато делали вкусу Дольче большой комплимент.

Работа побольше, примерно семьдесят на шестьдесят сантиметров, была написана уверенной рукой настоящего мастера. Это был городской пейзажик – красивый тихий уголок Гродина, немного напоминавший старую Москву. Свет и тень, формы и силуэты, краски и блики грели душу и будили тайные добрые надежды, которые мы всегда стараемся спрятать от других и даже от себя, опасаясь их сглазить. Подпись в правом нижнем углу свидетельствовала, что мы видим перед собой произведение художника, которого я слишком любила. В свое время.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.